

«ДРАКОН» ПО-БОГОМОЛОВСКИ

В МХТ имени А.П. Чехова прошли предпремьерные показы «**Дракона**» в постановке **Константина Богомолова**. В роли Бургомистра — **Олег Табаков**, Дракона играет **Игорь Верник**. Новый спектакль одного из самых непредсказуемых и скандальных режиссеров России и на этот раз должен удивить всех — как поклонников творчества Богомолова, так и его ярых хулителей.

Начнем с того, что, безусловно, пьеса Шварца звучит очень актуально и в наши дни. Дракон олицетворяет собой всемогущую власть, которой слепо подчиняются все жители города. Народ, изображенный драматургом, выполняет все приказы своего повелителя: отцы безропотно отдают дочерей на заклинание чудовищу, обрекают молоденьких девушек на

смерть, лишь бы его Драконье величество было довольно. Но даже избавившись от 400-летнего ига Дракона благодаря отчаянному подвигу благородного рыцаря Ланселота, народ опять покорно склоняет головы перед пришедшим к власти Президентом.

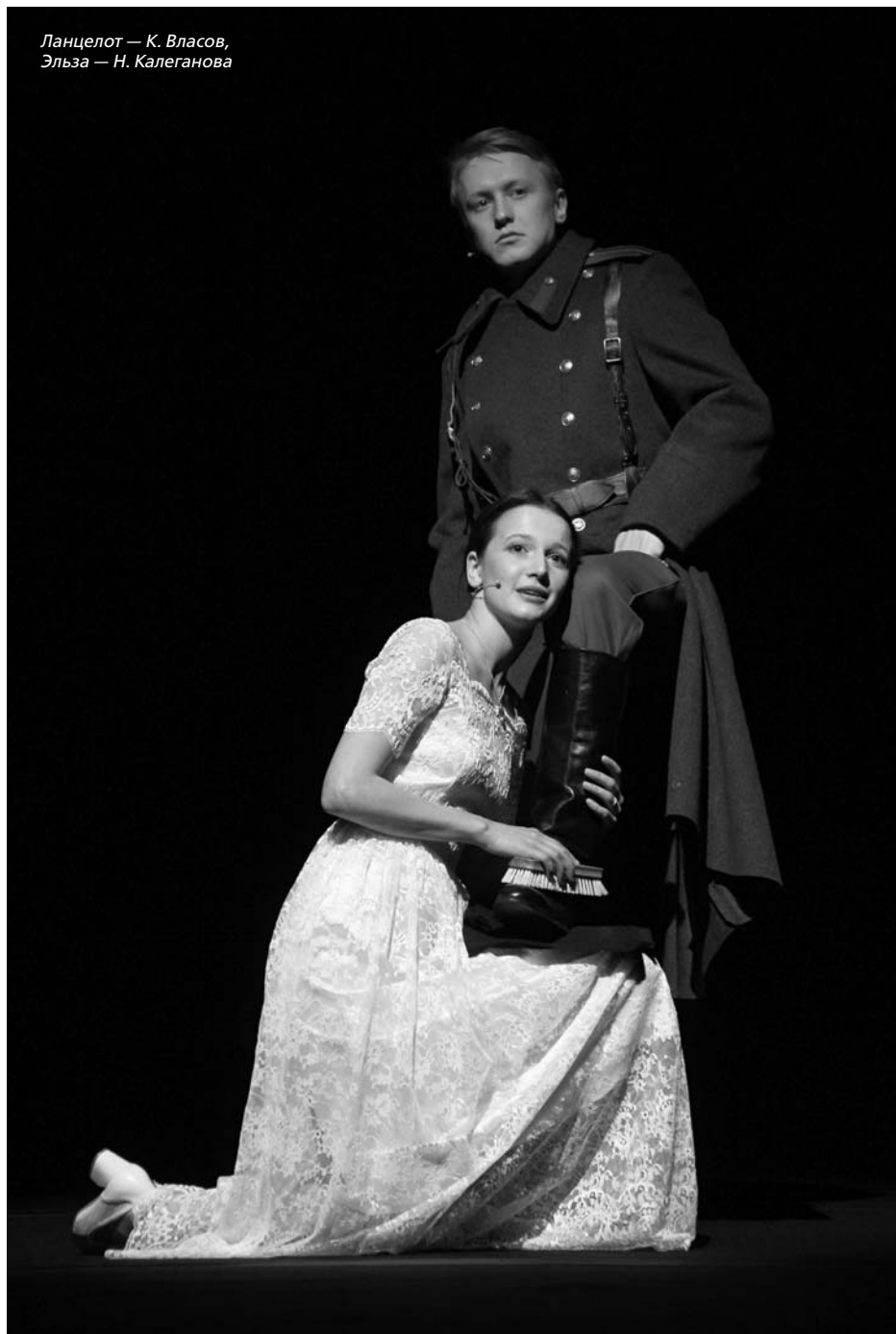
Конечно, на таком материале Константин Богомолов мог бы выстроить суперактуальный политический спектакль, в Драконе зрители видели бы отражение лиц, мелькающих на наших телеэкранах. Да и все остальные персонажи не обошлись бы без реальных прототипов.

Будет неправдой утверждать, что режиссер совершенно отказался от таких интерпретаций. Его Ланселот (**Кирилл Власов**), бросающий вызов Дракону, конечно же, напоминает нам Алексея На-

Дракон — И. Верник, Бургомистр — О. Табаков

*Ланцелот — К. Власов,
Эльза — Н. Калеганова*

вального — и мимикой, и жестами, и манерой говорить, и даже внешним видом. Но в отличие от «Идеального мужа», поставленного Богомоловым четыре года назад на той же мхатовской сцене, в котором аллюзии на современность и актуальная повестка дня просто били через край, в этой новой работе интонация совсем другая. Этот спектакль как будто не привязан ни к какому конкретному времени, он завис в некоем вневременном пространстве. С одной стороны, сам режиссер не раз говорил о том, что его интересовал период написания пьесы Шварцем — с 1942 по 1944 год, самый разгар Второй мировой войны. И действительно, в спектакле возникают отсылки к этому периоду — на экранах, щедро развешанных по всему периметру сцены (художник **Лариса Ломакина**), мелькают кадры из фильма «Летят журавли»: герой Баталова перед смертью видит небо и верхушки деревьев — его подвиг сравнивается с подвигом Ланселота, его история перекликается с историей рыцаря — их обоих не дождалась возлюбленная — жертва, принесенная ими ради всеобщего блага остается нецененной, забытой, размытой, канувшей в Лету. С другой же стороны, все эти пунктиром возникающие в спектакле разные исторические периоды (Вторая мировая война, Оттепель, наши дни) как будто не имеют для режиссера большого значения, они скорее указывают на повторяемость событий: все имеет свое начало и свой конец, одно время сменяет другое, и еще большой вопрос, какое из этих времен лучше — красное ли кровавое время войны и террора (как в случае с игром Дракона) или тусклое розовое время, наступившее после.

«Красный цвет, выцветая, становится розовым», — фраза, ставшая своеобразным эпиграфом к спектаклю. Не стало Дракона, и все порозовело. Сцена подсвечивается розовым светом. Это не добрый мягкий розовый цвет, это холодный, флуоресцентный, отталкивающий розовый. Все отцвело. Стерлось. Точно

так же стираются воспоминания о прекрасных порывах, начинаниях, попытках изменить жизнь, подвигах, смелых и решительных поступках.

Почти все персонажи богомоловской сказки про Дракона в первой части спектакля до смерти чудовища — архивариус Шарлемань (**Евгений Перевалов**), чью дочь Эльзу (**Надежда Калеганова**) должны отдать на заклятие Дракону, сама Эльза, их кот (**Кирилл Трубецкой**), сын Бургомистра Генрих (**Павел Табаков**) и даже непосредственно Дракон (Игорь Верник) — играют каких-то бездушных существ, лишенных эмоций, почти не реагирующих на происходящее вокруг них. Эльза вовсе не напугана тем, что ей предстоит умереть. Да и отец ее давно с этим смирился. Кот, живущий у них в доме, валяжничает и сохраняет невозмутимое спокойствие. Дракон не кажется нам страшным, хотя лицо его обезображено шрамом — точно так же, как в известном фильме Марка Захарова «Убить Дракона» лицо актера Олега Янковского, игравшего роль Дракона, «украшал» шрам во всю щеку. Дракон же Игоря Верника, имеющий еще две другие головы — одну женскую (**Ульяна Глушкова**) и одну детскую (**Александр Булатов**) — не вселяет вообще никакого ужаса. Он вместе со своим «семейством» — женской и детской «головами» — преспокойно лакомится чупа-чупсами в гостях у архивариуса и на вызов, брошенный ему Ланселотом, реагирует почти что философски, не проявляя свою драконью сущность.

На фоне этого всеобщего одурманивания, всеобщей покорности и бесчувственности поражает фигура Бургомистра. Олег Табаков в инвалидном кресле с проблесковым маячком прикидывается душевнобольным и кажется единственным здесь «здоровым» человеком. Его ужимки и ухмылки, его кривлянье и шуточки, его заигрывания с собственным сыном Павлом Табаковым, играющим его, Бургомистра, отпрыска Генриха (а Богомолов вообще любит такие переключки с реальной жизнью) производят

Сцена из спектакля

совершенно ошеломляющий эффект. Бургомистр в этой своей болезни как уходе от реальности, как попытки всех «переиграть» действительно всех переигрывает. Даже став Президентом после смерти Дракона и женившись на Эльзе (режиссер в данном случае изменил концовку пьесы — у Шварца Ланселот спасает Эльзу от этого брака), Олег Табаков не снимает с себя маску душевнобольного, продолжает отпускать шуточки, кривляться и произносит речь — монолог уже из «Голого короля».

Опять же вспомним фильм Захарова: Евгений Леонов-Бургомистр, пришедший к власти после смерти Дракона, переделается в современный костюм-тройку, «взял себя в руки» и излечился от сумасшествия. Очень жестокий и мрачный фильм «Убить Дракона», со сценами насилия над людьми,

как и положено сказке, заканчивается не то чтобы хорошо, но все-таки с какой-то надеждой на лучшее. Ланселот (Александр Абдулов) возвращается в оставленный им город, спасает Эльзу от свадьбы с Президентом и намеревается «убивать дракона», засевавшего в душах людей.

У Богомолова все не так. Ланселот отрубает две головы — мужскую и женскую; детскую он пощадил и пропадает в неизвестном направлении. Из этой детской головы вполне может через какое-то время вырасти еще один Дракон. Собственно, присутствие на сцене в свите нового Президента-бургомистра все того же Верника недвусмысленно на это намекает.

А с героями начинают происходить перемены. Эльза, полюбившая Ланселота и не убившая его по приказу Дракона,

быстро забывает о своем бравом рыцаре, как, впрочем, забывает и о своей давней привязанности к Генриху, сыну Бургомистра. Трансформация случается не сразу. Какое-то время она тоскует. Тут далеко не случайно исполняет она вместе с нигде не исчезнувшим Верником, тенью, оставшейся от Дракона, песню из сериала Валерия Тодоровского «Оттепель»: «Ах, как я была влюблена, мой друг, и что теперь?/Я думала, это весна, а это оттепель». Вслед за свержением тирана настала оттепель, но и она закончилась ничем. Эльза превращается в развязную, наглую, безвкусно одетую девицу, которая вовсю хамит своему мужу-Президенту, называя его «сухой» и «сволочью». Прислуживают новому покровителю белоснежный кот, легко сменивший хозяина, архивариус Шарлемань в образе трансвестита в цветастом платье. А Генрих вообще напяливает на себя рясу священника и готов своего по-королевски нарядного папу обвенчать со своей бывшей невестой. То ли люди, то ли звери. Творится настоящая фантасмагория в ярко-розовом свете. Вот и сказочке конец.

Эпилогом к спектаклю становится неожиданное появление на сцене потерявшего какие-либо гендерные признаки Ланселота, с длинными белыми волосами, одетого в костюм телесного цвета — вот он, настоящий «голый король». Бывший рыцарь встречает Эльзу, но в город войти уже не решается. На экране, закрывшим от нас всю сцену, на фоне ярких языков пламени появляется одно единственное слово — «ДРАКОН». В этом огне сгорело все: и любовь, и надежда, и память, и чувства, и прекрасные порывы.

Богомоллов поставил на этот раз свой самый пронзительный, самый грустный и самый беспощадный спектакль. Кажется, на первый взгляд, что ничего в режиссерской стилистике не поменялось. Вот на авансцене стоят его любимые диваны и кресла (зритель как буд-

то попадает в обычную советскую квартиру, обставленную типовой советской мебелью), но это только зачин спектакля, потом сцена опустеет и останется почти без декораций. И советские песни, и популярные эстрадные композиции, и танцевальные номера тоже то и дело вклиниваются в ход спектакля. Одна картинка сменяет другую. На каркас шварцевской пьесы нанизываются самые различные смыслы, неожиданные ассоциации, переключки, аллюзии — исторические, литературные, — но все это остается каким-то бледным фоном, не эпатажным и не провокационным.

Хотя многие могут мне возразить, сославшись и на слишком очевидный образ распятого и погребенного Христа (несколько раз по ходу действия его проекция как будто нависает не только над сценой, но и над всем зрительным залом), на явный намек на Страстную неделю (спектакль разбит на 7 вечеров), на фрагментарную структуру действия, на бросающуюся в глаза трагедию, на постоянную подмену понятий, на балаган и обычные богомолловские хитрости, на его самоцитирование и насмешку над самим собой. Да, все это есть. Не поспоришь. Но, повторюсь, все это лишь фон для страшной сказки, которую рассказывает нам режиссер, — сказке о том, что это не Ланселот убил Дракона, а Дракон «убил» прекрасного благородного рыцаря, который, переродившись, уже и на человека-то похож весьма отдаленно.

Зрители, ходящие на Богомоллова за «хлебом и зрелищами», будут, конечно, разочарованы. Я слышала после спектакля возмущенные реплики — «Какая скукота!». Истинные поклонники его творчества, конечно же, все поймут, все считают, во всем разберутся. Ну а те, кто яростно его ненавидят за грубое обращение с классикой, за переворачивание всего с ног на голову, просто разведут руками в недоумении.

Дарья ЮРЦОВА